

ПРОИЗВОДНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ПОЭМЕ АДАМА МИЦКЕВИЧА «ПАН ТАДЕУШ» И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В БЕЛОРУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

Исследуются различные типы переводческих соответствий: дословные эквиваленты, неполные эквиваленты, контекстуальные и языковые лакуны; выявляются причины несоответствий и наличия лагун.

Different types of the translation's conformity (literal equivalents, partial equivalents and absence of equivalents) are analysed in the article. The author explain the reasons of nonconformity.

Специфика лингвистического анализа художественного перевода заключается в необходимости учета не только соответствия между единицами оригинала и переводного текста, но и в системности языковых значений, а также влиянии контекста на формирование семантики языковой единицы. Поэма Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» отличается ярким национальным колоритом, поэтому при ее интерпретации на другие языки неминуемо проявляются несоответствия в способах и средствах обозначения реалий. Путем сплошной выборки нами было выявлено 1961 производное имя существительное, которому в белорусском переводе, выполненном П. Бителем, соответствует 1421 лексема. Польским лексемам в тексте перевода могут соответствовать: 1) дословные эквиваленты, 2) неполные эквиваленты, 3) контекстуальные и языковые лакуны.

1. Дословные эквиваленты

Польским именам существительным в белорусском тексте-переводе могут соответствовать дословные эквиваленты. Например:

Wjazd tłumny, dziwny (Mickiewicz 1998, 204)

Уезд шумны, дзіўны быў (Mickiewicz 1998, 762)

Большая часть межъязыковых эквивалентов данной группы образована от одних и тех же мотивирующих с помощью тождественных словообразовательных формантов (польск.: *obława* – бел.: *аблава*, польск.: *pojazdnek* – бел.: *паядынак*, польск.: *oszukiństwo* – бел.: *ашуканства*).

Однако межъязыковые эквиваленты, являющиеся, по данным переводного словаря, дословными соответствиями, не всегда совпадают по форме и объему семантики. Так, белорусское существительное *дзядзька* имеет более широкое значение, чем польская лексема *stryjaszek*, так как в польском языке это только брат отца, а для обозначения брата матери есть другая лексема – *wujek*. Польское существительное *siostrzenica* также отличается от белорусскоязычного эквивалента *пляменніца* объемом семантики и имеет значение 'дочь сестры', а для обозначения дочери брата в польском языке используется лексема *bratanica*.

В образовании сопоставляемых лексем нередко участвуют семантически тождественные, но фонематически различные словообразовательные форманты (польск.: *ciemność* – бел.: *цёмра*, польск.: *dziaduś* – бел.: *дзядуля*, польск.: *siedlisko* – бел.: *сяліба*). В данном случае формальные несоответствия между польскими и белорусскими дословными эквивалентами объясняются не субъективным выбором переводчика, а различиями в морфологической системе сопоставляемых языков. Переводчик же следует за нормами словообразования белорусского языка.

Наибольшие расхождения в фонологическом оформлении словообразовательных формантов наблюдаются при переводе польских отглагольных имен существительных: *przenosiny* – *пярэбары*, *spotkanie* – *сустрэча*. В белорусском языке отмечается меньшая продуктивность нулевой суффиксации, поэтому польским существительным с нулевыми аффиксами в основном соответствуют белорусские лексемы с материально выраженными формантами: *myśl* – *думка*, *odwrot* – *адступленне*, *przerwa* – *перапынак*.

Различия касаются также значения мотивирующей базы, что часто связано с наличием национально-культурного компонента в семантике слова. В процессе словообразовательной номинации создание производного слова происходит на базе уже существующих в языке единиц. Однако выбор мотивирующей базы для лексем, обозначающих одни и те же понятия, в сопоставляемых языках не всегда совпадает. Например, *piwnica* – *piwo* и *пограб* – *паграбаць*, *wódka* – *woda* и *гарэлка* – *гарэц*, *trunek* – *truć* и *напітак* – *піць*.

Встречаются также случаи, когда несколькими синонимичным польским именам существительным в белорусском тексте-переводе соответствует лишь одна лексема. Например, польск.: *polowanie*, *myslistwo* – бел.: *паляванне*.

Lubił bardzo myslistwo, już to dla zabawy (Mickiewicz 1998, 44)

Любіў ён паляванні ці то для забавы... (Mickiewicz 1998, 326)

Był to znak, że wracają goście z polowania (Mickiewicz 1998, 63)

Быў гэта знак, што госці едуць з палявання (Mickiewicz 1998, 345)

Объясняется данное явление национально-культурной спецификой: в польской культуре традиционно выделяются различные виды охоты, поэтому в языковой системе существует множество лексем для их наименования.

При интерпретации некоторых лексем переводчик (вероятно, в целях сохранения ритма и рифмы поэмы, а также ее образной системы) использует не дословный эквивалент польских производных имен существительных, а их транслитерацию. Например, *scyzoryczek* (досл. ножычак) – *сцізорычак*, *biurko* (досл. столик) – *бюрка*.

Jest na to od procesu lepszy Scyzoryczek (Mickiewicz 1998, 143)

Дык тут не суд, а мой Сцізорычак даць рады (Mickiewicz 1998, 424)

В данном случае существительное *Scyzoryczek* не просто обозначает небольшой складной ножик, это вторая сущность героя. Автор даже пишет это слово с прописной буквы. Поэтому для сохранения целостности образной системы поэмы переводчиком используется именно транслитерация.

2. Неполные эквиваленты

Белорусские лексемы могут отличаться от польских производных имен существительных на семантическом и грамматическом уровнях.

2.1. Лексические несоответствия наблюдаются в тех случаях, когда одни и те же реалии в польском тексте-оригинале и в белорусском тексте-переводе названы с помощью различных по значению лексем. Польские и белорусские имена существительные в данном случае могут быть связаны отношениями синонимии и импликационными отношениями. Среди синонимов выделяются контекстуальные (*pyłki* – *пух*), межъязыковые (*gniew* (досл. *гнеў*) – *злосць*) и стилистические (*walka* – *валтузня*). Польские производные имена существительные могут также являться по отношению к белорусским лексемам **гиперонимами**, когда переводное слово имеет более узкое значение или обозначает часть целого (*obserwator* (*назіральнік*) – *астраном*; *niemiec* (*немец*) – *лёкаў*) или **гипонимами**, когда переводное слово выражает более широкое понятие (*lipiec* – *мёд*).

2.2. Грамматические несоответствия наблюдаются в области основной характеристики слова – его частеречной принадлежности. Польским производным именам существительным в белорусском тексте-переводе соответствуют: **глаголы** (*zapach* – *пахла*; *gotowanie* – *варыць*), **имена прилагательные** (*nabiał* – *белы*; *złość* – *злы*), **причастия** (*nabój* – *заражаны*) и **наречия** (*milczenie* – *моўчкі*; *samotność* – *адзінока*).

2.3. Словообразовательные несоответствия можно разделить на следующие подгруппы:

2.3.1. Польские производные имена существительные, которым в белорусском переводе соответствуют лексемы с тем же корнем, но непродуцированные по своей структуре. В данном случае различия связаны не с отсутствием

вием определенной словообразовательной модели в белорусском языке, а с субъективным выбором переводчика и его стремлением сохранить ритмику и рифму поэтического текста:

Niech tam sobie, kto chce, chwali

Niemców cywilizacja, porządek Moskali (Mickiewicz 1998, 68)

...Няхай хто хоча

Ці немцаў хваліць, ці з Масквой нам лезе ў вочы (Mickiewicz 1998, 350)

2.3.2. Польские имена существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которым в белорусском тексте-переводе соответствуют непроезженные лексемы. Данная словообразовательная модель является очень характерной как для польского, так и для белорусского языка. Но употреблению в белорусском языке существительного с уменьшительно-ласкательным суффиксом может препятствовать семантика лексемы. Например, польское существительное *rytek* (бел. *пылінка*) может иметь как конкретное, так и вещественное значение. А белорусская лексема может обозначать только единичный объект. Поэтому в качестве перевода в белорусскоязычном тексте используется слово *пыл*:

Czarnym ryłkiem napelniona purchawka (Mickiewicz 1998, 81)

I, пылам шэрым поўная, сядзіць у цені,

Як перачніца, порхаўка (Mickiewicz 1998, 362)

Некоторые белорусскоязычные эквиваленты из-за своей морфемной структуры не допускают присоединения уменьшительно-ласкательного суффикса (*Gerwazeńki* – *Гервазы*).

В поэме встречаются и существительные без уменьшительно-ласкательного суффикса, которым в белорусском тексте-переводе соответствуют существительные с таким суффиксом (*psina* – *псінка*). Однако таких случаев всего 9, тогда как в предыдущей подгруппе их насчитывается 64.

2.3.3. Польские имена существительные, на месте которых в тексте-переводе появляются аналитические структуры. Иногда переводчик сознательно вводит их в текст с целью сохранить рифму или ритм произведения, интерпретируя реалию с помощью описательного оборота, хотя в белорусском языке существуют соответствующие однословные эквиваленты (*bielizna* – *ранішняя адзенне*, *badacz* – *дапытлівы хлапчына*). В других случаях словосочетания в белорусском тексте-переводе являются заполнителями лакуны. Причиной возникновения лакун в данном случае является словообразовательная недостаточность белорусского языка по отношению к польскому (*węgrzyna* – *венгерскае віно*, *grzybowanie* – *збіранне грыбоў*, *drogoszka* – *дарожны знак*).

3. Контекстуальные и языковые лакуны

Из выбранной нами из текста поэмы "Пан Тадеуш" 1961 производной лексемы при переводе на белорусский язык теряется 540 имен существительных.

3.1. **Контекстуальные лакуны** появляются в тексте перевода в тех случаях, когда польские производные имена существительные свободно переводятся на белорусский язык, но исключаются из текста по воле переводчика.

3.1.1. В большинстве случаев их пропуск не нарушает смысла авторского высказывания. Например:

...*Wtem pan Podkomorzy,*

Wławszy kropelkę wina w szklankę pani Róży (Mickiewicz 1998, 332)

...Пан Падкаморны

Віна падліў дачушцы Ружы (Mickiewicz 1998, 614)

Польское существительное *kropelka* является указанием на то, что в бокал было добавлено небольшое количество вина. А в белорусскоязычном тексте этот компонент значения компенсируется семантикой глагола *падліць* (т. е. немного добавить).

3.1.2. Польские лексемы опускаются переводчиком и в том случае, когда они входят в состав оригинальных языковых оборотов, дословный перевод которых на белорусский язык невозможен. Например:

Za tą potocą znajdzie wstęp w najlepsze domy (Mickiewicz 1998, 83)

З маёй падмогай ён прыняты ўсюды будзе (Mickiewicz 1998, 365)

Выражение *znaleźć wstęp* переводится на белорусский язык как *знайсці ўваход*. При подборе переводчиком эквивалентного оборота выражение опускается, а с ним и производное существительное *wstęp*.

3.2. Дословному переводу польских производных имен существительных на белорусский язык могут препятствовать и собственно языковые факторы. В данном случае мы имеем дело с **языковыми лакунами**.

3.2.1. К препятствиям морфологического характера относится большая частотность употребления отглагольных существительных в польском языке по сравнению с белорусским. В результате многие польские конструкции с такими лексемами при переводе подвергаются трансформации:

Jest do robienia kawy osobna niewiasta (Mickiewicz 1998, 64)

Жанчына ў доме адмысловая бывае (Mickiewicz 1998, 345)

3.2.2. В белорусском тексте-переводе отмечаются также случаи словообразовательного аналитизма, когда определенная словообразовательная модель свойственна лишь польскому языку (*Dygnitarzówna – дачка саноўніка*). Но аналитические структуры, являющиеся в данном случае эквивалентами польских лексем, не всегда могут быть использованы в тексте перевода, так как это приводит к нарушению организации поэмы.

3.2.3. Различиями в словообразовательных системах сопоставляемых языков объясняется пропуск польских лексем, образованных с помощью специфических экспрессивных суффиксов, не свойственных белорусскому языку. Например, польское существительное *gadały* образуется путем присоединения к основе глагола *gadać* суффикса *-uł-*, не имеющего эквивалента в белорусском языке.

3.2.4. Различия между польскими производными именами существительными и их возможными эквивалентами касаются также характера их мотивации. Выбор мотивирующей базы для лексем, обозначающих в польском и белорусском языках одни и те же понятия, в данном случае не совпадает. Например: польск.: *widokręg* – бел.: *далягляд*; польск.: *obywatel* – бел.: *грамадзянін*. На уровне выбора мотивирующей базы проявляется различие в мироощущении двух народов, так как, по словам Е.С. Кубряковой, производные номинации – "...это не просто точки в языковой картине мира, но своеобразные дескрипции, близкие к аналитическим, описывающие мир и отражающие его оценку говорящим достаточно расчлененно" (Роль человеческого 1988, 172). И если внутренняя форма белорусского слова-эквивалента не соответствует внутренней форме польской лексемы, то оно может и не включаться переводчиком в текст ради сохранения поэтического образа. Так, польское производное существительное *obywatel* употреблено автором в значении 'человек вообще, любой человек':

...nikt z obywateli

Nie wyrówna z imenia ani z parenteli

Podkomorzemu (Mickiewicz 1998, 83)

Использованию данной лексемы в переводе препятствуют еще и различия в ассоциативных и понятийных связях, которые данное слово вызывает у носителей сопоставляемых языков. Поэтому переводчик и отказывается от белорусского дословного эквивалента *грамадзянін*.

...У ва усей акрузе

Для Падкаморнага па знатнасці, заслуге

Няма роўні (Mickiewicz 1998, 365)

3.2.5. Иногда причиной отсутствия в тексте-переводе некоторых межъязыковых эквивалентов является расхождение лексических фонов понятийно-эквивалентных слов, а также несовпадение их семантического объема. Например, польское существительное *łowy* обозначает 'ловлю зверя живьем в сети, капканы, ловушки' (Wielka encyklopedia VI, 714) и может переводиться на белорусский язык двумя способами: *паляванне* и *ловы*. Однако белорусское существительное *паляванне* шире польского по своей семантике, так как является гиперонимом для всех видов охоты. Существительное *ловы* также нельзя считать полным семантическим эквивалентом, так как в польском языке это "охота на крупного зверя" (Słownik języka III, 57), а в белорусском – устаревшее название всех видов охоты.

Вероятно, переводчик отказывается от использования существительного *паляванне* еще и потому, что в предыдущей строке автором уже была употреблена эта лексема и ее повторное употребление в переводе привело бы к тавтологии:

*Hrabia na polowaniu bardzo dobrze zna się,
Nie raz gadał o łowów i miejscu i czasie* (Mickiewicz 1998, 66)
*А справы ж палявання Граф дакладна знае
І правілы заўсёды нам напамінае* (Mickiewicz 1998, 347)

3.2.6. Невозможность использования некоторых польских производных имен существительных в тексте перевода связана с наличием национально-культурного компонента в их семантической структуре. Например, такие специфические польские вежливые обращения, как *Jegomość*, *Jejmość*, *Waszmość*, употреблялись в Польше в основном по отношению к представителям шляхты. Перевод этих лексем на белорусский язык с помощью слов *спадар*, *пан* привели бы к утрате их этнокультурной и исторической специфики. Теоретически возможен также их перевод с помощью аналитической структуры (так как данные лексемы представляют собой сложносокращенные слова): *Jego miłość* – *Яго міласць*, *Wasza miłość* – *Ваша міласць* и т. д. Однако аналитическая структура не всегда может органично вписаться в поэтический текст, поэтому переводчик ее и опускает.

3.2.7. Встречается в поэме и безэквивалентная лексика, использование которой в тексте перевода без дополнительных комментариев затруднило бы прочтение и понимание произведения:

*„Z Chęstochowy?” rzekł Wilbik, byłem tam w spowiedzi
Kiedym na odpust chodził lat temu trzydzieście* (Mickiewicz 1998, 103)
"Аж з Чанстаховы? – мовіў Вільбік, – год немала
Таму я ў споведзі там быў... (Mickiewicz 1998, 384)

Для польской культуры слово **odpust** является общепонятным и обозначает 'в соответствии с католической теологией, отпущение властью, данной костелу, наказания за совершенные грехи' (Słownik języka II, 49). Но так как белорусскоязычному читателю это значение неизвестно, переводчик опускает данную лексему, что не приводит к значительному ущербу для понимания смысла произведения.

Таким образом, различия между польскими и белорусскими межъязыковыми эквивалентами заключаются в полном или частичном несовпадении семантики мотивирующих, в способе выражения словообразовательных формантов, в частеречной принадлежности и словообразовательной структуре сопоставляемых лексем, что может быть обусловлено как сознательным выбором переводчика, так и различиями в фонетической, грамматической и лексической системах польского и белорусского языков, а также наличием в семантике слова национально-культурного компонента. Появление же в тексте перевода контекстуальных и языковых лагун объясняется стремлением переводчика к сохранению интонационных и ритмических связей, невозможностью дословного перевода некоторых польских фразеоло-

гических оборотов, исторической и этнокультурной спецификой функционирования польских лексем, а также наличием в их семантике лексического фона, обусловленного мировоззрением, характерным для польской культуры и отличающимся от мировоззрения носителей белорусского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
 Mickiewicz A. Pan Tadeusz. Мн., 1998.
 Słownik języka polskiego: W 3 t. Warszawa, 1978.
 Wielka encyklopedia powszechna: W 13 t. Warszawa, 1965.

Поступила в редакцию 17.04.2003.

Анастасия Сергеевна Русских – аспирантка кафедры русского языка. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т.Н. Волинец.

М.С. ГУТОВСКАЯ

**ЗАВИСИМОСТИ МЕЖДУ СВОЙСТВАМИ СЛОВА
 И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБОРОТА
 (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
 С НЕКОТОРЫМИ МЕТАЯЗЫКОВЫМИ КОМПОНЕНТАМИ)**

Выявлены новые аспекты взаимосвязи лексической и фразеологической систем.

Additional aspects of correlations between lexical and phraseological systems are revealed in the article.

1. Свойства слов, значимые для фразеологических оборотов (ФО) с данными словами. Фразеология каждого языка, при всем своем грамматическом и семантическом своеобразии, не существует изолированно от системы языка в целом. Свойства ФО, являющегося устойчивой единицей с целостной семантикой, в какой-то степени зависят от свойств входящих в ФО лексем. Во фразеологизме могут отражаться разнообразные свойства слова. К настоящему времени имеется ряд работ, в той или иной мере затрагивающих проблему выявления зависимостей между свойствами слова и свойствами ФО. Большинство исследователей выделяют следующие свойства слова, определяющие особенности ФО с данным словом:

- частотность слова: чем более частотно слово, тем выше его фразеологическая активность – способность входить в состав ФО (Москович 1969; Муминов 1972; Смирнова 1980);
- длина слова (количество слогов и букв): чем больше слогов в слове, тем меньше его фразеологическая активность (см. Денисова 1980; Новикова 1987; Сафаралиева 1985);
- заимствованный/исконный характер слова: заимствования обладают низкой фразеологической активностью (см. Крейн 1963; Муминов 1972; Смирнова 1980);
- положение слова в соответствующей ЛСГ: слова, образующие ядро ЛСГ, входят в состав большего числа ФО, чем слова, находящиеся на периферии ЛСГ (см. Смирнова 1980; Новикова 1987; Сафаралиева 1985).

Несмотря на значительное число исследований, выполненных преимущественно на материале английского языка, свойства слова, проявляющиеся в ФО, изучены недостаточно. На наш взгляд, приведенный список факторов не является закрытым и может быть дополнен. Представляемые в настоящей работе зависимости между свойствами слова и ФО выявлены в результате исследования лексико-семантических свойств русских и английских существительных с метаязыковыми значениями *буква/letter, слово/word, язык/language, tongue, речь/speech, письмо/writing, грамота/literacy* и особенностей их проявления во фразеологизмах с данными лексемами.